

УДК 94(470)

К.Д. Бугров

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ» РОССИЙСКОГО XVIII В.: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТАХ Н.И. ПАНИНА

Рассматривается проблема понимания временного аспекта политических преобразований в России XVIII в. на примере реформаторских проектов Н.И. Панина. Обсуждение «фундаментальных законов» и «формы правления» проводилось Паниным скорее в контексте возрождения и устойчивости, а не инноваций и прогресса, во многом под влиянием философии Монтескье. Таким образом, политическое время российского XVIII в. было скорее цикличным, чем линейным, а сконструированная традиция позволяла считать нестабильность эпохи дворцовых переворотов преходящим моментом российской истории.

Ключевые слова: политические проекты Н.И. Панина, XVIII в.

Изучение политической истории России во многом выдержано в рамках парадигмы модернизации, предполагающей постоянную напряженность между традицией и новацией, а также осознанное стремление традиционалистского по сути российского политического истеблишмента к замене архаичных форм социально-политической организации более современными, «модерными».

Такой подход к социально-политической проблематике предполагает, что отечественные исторические акторы оценивали различия между Россией и европейскими странами как качественные различия, основанные на критерии *времени*. Логика модернизации предполагает внедрение инноваций – достижений, состоявшихся в некоторых странах в более ранний период времени – и, соответственно, ликвидацию «отсталости» путем преодоления определенного временного лага, постепенной «доставки» на российскую почву набора европейских «современных» (modern) ценностей, идей, институтов и разработок. В их число входят и политические; они приводят к тому, что С. Уиттакер называет «логическим и ироническим следствием просвещенного абсолютизма: монарх настолько просвещает свой народ, что тот больше не нуждается или не хочет его абсолютной власти» [1. Р. 94].

Одно из ключевых описаний российской истории XVIII в. через концепцию модернизации (нацеленной на «максимизацию креативного потенциала и материальных ресурсов») принадлежит М. Раеффу, для которого центральной исследовательской идеей было противопоставление англо-голландского Просвещения и «догоняющей модели» континентальных «хорошо организованных полицейских государств» (well-ordered police state, wohl geordneter Polizeistaat) [2]. Другой авторитетный исследователь, О.А. Омельченко, полагает,

что «движение к конституционализму... составляло смысл политической эволюции, перспективных реформ или революций любых государственных систем с рубежа XVII—XVIII вв.» [3. С. 90].

Эти суждения заставляют задуматься над вопросом о том, как акторы, непосредственно вовлеченные в процесс становления российской политической modernity, оценивали *темпоральный аспект* этого процесса. Каким было «политическое время» российского XVIII в.?

Эту проблематику мы рассмотрим ниже на примере анализа реформаторских проектов Н.И. Панина. Этот дипломат и государственный деятель, с 1760 г. – еще и наставник (обер-гофмейстер) великого князя Павла Петровича, был одним из главных участников переворота 1762 г. и свержения неудачливого Петра III. Практически сразу после этого переворота именно Панин предложил Екатерине II оригинальный план реформы высшего административного эшелона Российской империи, однако этот план в целом не был реализован. Тем не менее с 1762 г. и до конца 70-х гг. XVIII в. Панин занимал позицию ближайшего и доверенного советника Екатерины II. Совершенное Павла Петровича в 1775 г. стало причиной охлаждения отношений между императрицей и ее министром, что привело к его фактической опале. В конце жизни, тяжело болея, Н.И. Панин создал еще несколько реформаторских проектов, теперь уже обращенных к Павлу (все они дошли до нас в записи его брата генерала П.И. Панина, его доверенного секретаря Д.И. Фонвизина и самого великого князя Павла Петровича).

По мнению американского исследователя Д. Рансела (опиравшегося на выработанную Раеффом объяснительную модель), Панин «предполагал, что попытка Петра создать вестернизированную и просвещенную элиту была подготовкой

к современному конституционному (курсив наш. – К.Б.) порядку в России, в котором образованное дворянство будет играть ведущую политическую роль. Личный деспотизм, необходимый в свое время, чтобы вытащить Россию из отсталости, теперь должен быть трансформирован в законную монархию, где права различных сословий определены законом и защищены от произвольного вмешательства деспотической власти». Однако, «работая над тем, чтобы направить Россию в направлении *Rechtstaat*», Панин и его сторонники «продолжали действовать в рамках традиционных политических образований, семейных клик патронажа», что вело к «сохранению... автократической власти, которая санкционировала действия этих незаконных органов» [4. Р. 268, 278–279].

Подобный взгляд основывается на противопоставлении конституционализма и реформизма, атрибутов вестернизированной модерности, традиционалистскому царству персональных связей и деспотического произвола. Символично, что Д. Рансел использует прилагательные «современный» и «конституционный» как качественные характеристики предполагаемого социально-политического идеала Панина. Подобное мнение скорее относится к инструментарию современной политологии, тщательно отделяющей «традиционное общество» от «модерности» и предполагающей существование предварительно заданного социально-политического образца «современного общества». Речь идет о частном случае трансформации прилагательного «современный» в языке исследователя – от значения «*подобный тому, что существует в современности*» к значению «*улучшенный*», «*модернизированный*», – исподволь навязывающей подобные трансформации и языку источника.

Действительно ли аргументация реформаторских проектов Н.И. Панина включала признание существования *временного лага* между российской «отсталостью» и западноевропейской «модерностью», который России необходимо преодолеть?

Вспомним беседу Панина с Павлом Петровичем, которую приводит в своих записках С.А. Порошин: «Как между прочим разговорились о езде... из Швеции... и дошла речь до города Торнео, то спросил Его Высочество, каков этот город? Его превосходительство [Н.И. Панин] отвечал, что дурен. Государь великий князь изволил на то еще спросить, хуже нашего Клину или лучше? Никита Иванович изволил ему на то сказать: “Уж Клину-то нашего, конечно, лучше. Нам, батюшка, нельзя еще о чем бы то ни было рассуждать в сравнении с собою. Можно рассуждать так, что

это там дурно, это хорошо, отнюдь к тому не применяя, что у нас есть. В таком сравнении мы верно всегда потеряем”» [5. С. 457].

Безусловно, Панин хорошо осознавал разрыв между экономическим состоянием России и европейских стран. Однако в другой вечер, 9 декабря 1765 г., он заявил, «что естли бы в других местах жить так оплошно, как мы здесь живем, и так открыто, тоб давно все у нас перекрали, и нас бы перерезали: запираем ворота деревянным запором; дверь огорожен бревенчатым оплотом, вместо того что в других землях строятся замком и ворота всякую ночь запирают большими замками и железными запорами, а и тут по середине города воруют и разбойничают... причиною такой безопасности полагали... добродушие и основательность нашего народа вообще» [5. С. 170].

Два эти высказывания представляют собой – в определенной степени – противоположности. Как Панин предпочитал думать о политике – в категориях экономики, искусств и благоустройства или в категориях моральных качеств?

В преамбуле предложенного Паниным Екатерине II в 1762 г. манифеста об учреждении Императорского совета и реформе Сената оговаривался и темпоральный аспект политики: «Не оспоримая есть истина, что время, опыт и искусство суть наиболее надежные свидетели добру и худу, мы, несколько лет примечая и рассуждая о их действиях, познали натуральное преимущество преемников пред предками, особливо между государями» [6. Л. 36об.]. Далее декларировалось намерение «наполнить недостатки» в правлении империи и «непоколебимо утвердить форму и порядок, которыми под императорскою самодержавною властью государство на всегда управляемо быть должно».

В этом же проекте Панин уподобил краткое правление Петра III временам варварства, «в которых не только установленное правительство, но и письменных законов еще не бывало». Позднее, в «Рассуждении о непременных государственных законах» (80-е гг. XVIII в.), Панин замечал: «Государство... ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготовя нацию дать ей преимущества, которыми наслаждаются благоустроенные европейские народы» [7. Л. 16]. Здесь Панин отсылал своего адресата не к будущему, а к реальному опыту прошлого, именно – к «Манифесту о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству» Петра III. Этот манифест, в смысловом отношении выстроенный вокруг идеи развития в России «познания как военных, гражданских, так и политических дел», связывал дарование россий-

скому дворянству «вольности» именно с достижением определенного уровня «просвещения» [8. С. 912]. Отсылая читателя к манифесту, Панин говорит в характерном для века Просвещения дискурсе воспитания: «вольность» («свободу» на языке российского XVIII в.) можно обрести только по достижении «просвещенной» зрелости...

Но обратим внимание на характеристику, которую в своем сопроводительном письме дал «Рассуждению о непременных государственных законах» брат Н.И. Панина генерал П.И. Панин! По словам П.И. Панина, его покойный брат занимался подготовкой «разсуждения о истребившейся в России со всем всякой формы государственного правления, и от того озыблемом состоянии как Империи, так и Самых Государей». Пересказывая свои беседы с братом, П.И. Панин добавлял: «В Российской империи издревле окорененных обычаев, ниже и из самих тех законов, которые приемлются во всех благоустроенных государствах фундаментальными законами и вернейшею твердостью держав, ни единой почти не остался в святой неприкосновенности, но все они без изъятия свержены под самовластие» [9. С. 3, 20].

Современная исследовательница И. де Мадариага отмечает: «Концепция фундаментальных законов была, конечно, очень расплывчатой и неопределенной в правовом отношении. В европейских абсолютистских монархиях и среди верного им дворянства сложилось такое понимание фундаментальных законов, согласно которому монарх признавал, что определенные обычаи и процедуры приобрели статус прав и обязанностей. <...> В России, в отличие от других европейских государств, фундаментальные законы отсутствовали, и поэтому она гораздо больше напоминала деспотию по Монтескье, чем его монархию» [10. С. 77]. Однако Панин не согласился бы с таким мнением – в «Рассуждении о непременных государственных законах» он отказался считать Россию деспотией на том основании, что «нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления» [7. Л. 16].

Такое утверждение не является риторической фигурой. Истоки этого аргумента следует искать в философии истории Монтескье (влияние которого на Панина несомненно и может быть верифицировано с легкостью) монархия перетекает в деспотию и обратно. Философия истории у Монтескье скорее циклична, нежели линейна: деспотизм не уходит в прошлое как пережиток традиции, постоянно оставаясь угрозой для монархии [11. С. 260].

Монтескье предполагает, что деспотизм обладает социальной обусловленностью и, провоцируя бесконечные перевороты, на деле остается статичным. В данном случае, деспотия – это не порождение отсталости, а продукт иной конфигурации факторов, нежели монархия или один из двух видов республики; отношения деспотии и монархии не имеют темпорального измерения.

Подобный взгляд был характерен для Панина уже в 1762 г. Говоря в конце упомянутого доклада о необходимости стабилизации положения в государстве, Панин замечал: «Мы слишком тридцать лет обращаемся в революциях на престоле и чем больше их сила разпространяется между подлых людей, тем она смелее, безопаснее и возможнее стали» [12. С. 30]. Первоначально Панин начал эту фразу со слов «мы сорок...», однако затем зачеркнул их и продолжил предложение так, как процитировано выше.

Таким образом, первоначально здесь подразумевался указ Петра I о престолонаследии, подписанный за сорок лет до вступления Екатерины II на трон. Таким образом, ликвидация традиционного порядка престолонаследия представлялась Панину причиной (или, по крайней мере, одной из причин) драматической деградации империи. Именно порядок наследования трона обычно считался в европейской политической философии «основным законом» (это мнение в полной мере разделял и Монтескье); в одной из последних бесед с Павлом Петровичем Панин подчеркивал важность «установления и учреждения порядка наследства... без которого ничего быть не может; которой и есть закон фундаментальной» [13. С. 266]. Да и генерал П.И. Панин считал «программой-минимум» в отношении «фундаментальных законов» установление порядка наследования трона.

«Форма правления» и «фундаментальные законы», таким образом, представлялись Панину не столько атрибутами «современного», «конституционного» порядка, сколько инструментами перехода к стабильности из состояния дезорганизации. Разница здесь заключается в том, что важный для первого варианта понимания указанных понятий темпоральный критерий во втором случае отсутствует.

«Истребившаяся» «форма правления», «сверженные под самовластие» древние обычаи и «фундаментальные законы», существовавшие до воцарения Елизаветы в 1741 г. «особливый верховный места» [12. Л. 24об.], наконец, «наполнение недостатков» предполагали не столько модернизацию (поскольку сама семантическая логика этих концептов не предполагала никакого специфически «модернового», «современного» либо

«инновационного» их характера), сколько своеобразное *renovatio*, восстановление. Именно такой смысл характерен для истории употребления этого концепта в Европе Нового времени [14. Р. 111].

Установление того правового порядка, который предположительно входил в набор российского модернизационного конституционализма, мыслилось представителями политической элиты не только в качестве европейской инновации, но и в виде своеобразного возрождения традиции – даже несмотря на то, что в России отсутствовала собственная традиция обращения к концепции «фундаментального закона». Слова Панина о «преимуществах, коими наслаждаются благоустроенные европейские народы», можно однозначно оценить только как обращение к *лучшему политическому устройству*, но вряд ли – к *более современному политическому устройству*.

Амбивалентность использования темпорального критерия в рассуждениях Панина о политике объясняется контекстом, в рамках которого он и другие представители российской политической элиты обращались к ключевой политической проблематике «формы правления» и «фундаментальных законов». «Догоняющие модели», будь то «wohl geordneter Polizeistaat» или «плодоносное движение к конституционализму», могли предоставить актерам XVIII в. пространство для обсуждения проблематики внедрения в России плодов европейского Просвещения – культуры, наук, «политичности» и всех видов торгово-экономического процветания.

В свою очередь, лексикон «фундаментальных законов» и «формы правления» использовался, чтобы вести речь о проблеме стабильности власти, которая оказалась под угрозой из-за серии беспрецедентных дворцовых переворотов, последовавших за ликвидацией Петром I традиционного порядка наследования трона. По нашему мнению, аргументация в пользу политического возрождения позволяла четко локализовать нестабильность дворцовых переворотов как аномалии, преходящего момента в российской истории.

Таким образом, в «политическом времени» XVIII в., призванном поддержать стабильность монархии с опорой на заново сконструированную политическую традицию, было невозможно «спешить», «отставать» или «опаздывать». Словно бы для того, чтобы подчеркнуть контраст, радикальные и оппозиционные движения XIX в. будут в

значительной степени основывать аргументы против российской абсолютной монархии на темпоральной дихотомии модернизированного конституционализма (или социализма) и безнадежно устаревшего «самодержавия». Исходя из этого, предположим, что «модерный», «современный» характер тех или иных политических идей и институтов во многом зависит от того «политического времени», в котором их размещает исторический актер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whittaker C. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia // *Slavic Review*, Vol. 51, № 1 (Spring, 1992).
2. Raeff M. Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization // *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. Boulder; Oxford, Westview Press, 1994.
3. Омельченко О.А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: Итоги исторического взаимодействия // *Вестник МГИУ. Серия "Гуманитарные науки"*. М.: МГИУ, 2002. № 2.
4. Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. Yale, 1975.
5. Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881.
6. Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.
7. Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина разсуждение о неперемennых государственных законах // Бумаги гр. Н.и П. Паниных (записки, проекты, письма к в.к. Павлу Петровичу 1784–1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17.
8. Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству. 18 февраля 1762 г. // ПСЗ. Т. XV. № 11444.
9. Шумигорский Е.С. Приложение // Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1907.
10. Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое лит. обозрение, 2002.
11. Монтескье Ш. Персидские письма. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956.
12. Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорского совета ... // РГАДА. Ф. 1. Д. 17.
13. Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // *Вспомогательные исторические дисциплины*. М.: Наука, 1974. Вып. 6.
14. Thompson M. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // *The American Historical Review*, Vol. 91, № 5 (Dec., 1986).